

[3, с. 6]. Об упорном сопротивлении свидетельствуют и советские источники, которые говорят об ожесточённых боях до последнего вздоха [1, с. 64].

Справедливости ради, следует отметить, что большая часть воспоминаний красноармейцев была записана в 1980-х гг., потому в моменте несоответствий может быть фактор большой отдаленности от времени событий. В то же время, приведённые отрывки не проясняют глобальной картины в штабе 3-й армии, оборонявшей Гродно, отчего сравнить показания двух штабов с разных сторон фронта просто невозможно. Состояние современной источниковой базы истории обороны Гродно позволяет работать по принципу «Базис из немецких источников – дополнение из советских источников», что затрудняет создание объективной картины событий, более того – создает опасность ее искажения под влиянием немецкой позиции и заведомой пропаганды. Остается только пожалеть об утрате документации частей и подразделений Красной армии, принимавших участие в боях под Гродно.

Подводя итог, можно сказать, что тема обороны Гродно 22–23 июня 1941 г. далека от финального оформления и требует дальнейшего изучения в источниковедческом плане. Опора только на воспоминания и обрывочные отчёты с советской стороны, доклады и рапорты (местами весьма противоречивые) – с немецкой, не представляется научно обоснованной для решения этой исторической задачи.

1. Егоров, Д. Н. Июнь 41-го. Разгром западного фронта / Д. Н. Егоров. – Москва : ЯУЗА ; ЭКСМО, 2008. – 291 с. – URL: https://bookscafe.net/read/egorov_dmitriy-1941_razgrom_zapadnogo_fronta-211303.html?ysclid=m8rne4aka174278550 - p32 (дата обращения: 16.03.2025).

2. Гальдер, Ф. Военный дневник : в 3 т. / Ф. Гальдер ; перевод и ред. П. А. Жилина. – Москва : Военн. издат. Мин. обороны СССР, 1971. – Т. 3, кн. 1 : От начала восточной кампании до наступления на Сталинград. – 407 с. – URL: <https://djvu.online/file/KWMF96VqoAQuU?ysclid=m6qoz83k962821172> (дата обращения: 16.03.2025).

3. Отчет о боевых действиях 8-го армейского корпуса во время кампании в России 1941 г. – URL: <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/3175-delo-133-otchet-o-boevyh-deystviyah-8-go-armeyskogo-korpusa-vo-vremya-kampanii-v-rossii-1941-g- page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения: 16.03.2025).

4. Лютик, Д. В. Первый удар: 29-я танковая дивизия в боях за Гродно 22–25 июня 1941 г. / Д. В. Лютик, Д. Г. Киенко. – Минск : Рубон, 2016. – 182 с.

Потемкина М.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, эвакуация, архивы, электронные базы данных, источники личного происхождения.*

Одним из важнейших мероприятий, осуществленных в СССР в начальный период Великой Отечественной войны стала эвакуация промышленного оборудования, сырья и продовольствия, населения, культурных ценностей. Долгое время архивные документы этой тематики были засекречены и недоступны исследователям, а источники личного происхождения малочисленны в силу табуированности темы «беженства» в официальном военном дискурсе и общественном мнении.

В современной историографии, несмотря на большое количество научных публикаций, тема эвакуации 1941–1942 гг. содержит целый ряд дискуссионных вопросов, а, значит, требует выявления, введения в научный оборот и тщательного исследования новых исторических источников [6].

Источниковая база для изучения проблемы эвакуации включает в себя архивные документы, источники личного происхождения, фотоматериалы, электронные базы данных и др.

Основу комплекса источников составляют архивные материалы. Тема эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны нашла свое отражение в фондах как центральных, так и региональных архивов Российской Федерации, новых независимых государств – бывших республик СССР, а также в архивах США и Израиля (архив Национального института «Яд Вашем»). Несмотря на различную степень сохранности документов в разных архивах и недоступность для исследователя части дел, находящихся в секретных фондах, пласт источников по названной теме обширен и многосоставен. Так, в центральных архивах РФ, применительно к вышеназванной теме, наиболее информативны фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В фонде 3 Российского государственного архива новейшей истории хранятся документы, раскрывающие механизм управления эвакуацией промышленных предприятий. В первую очередь, исследователю следует обратить внимание на фонды Р-6822 – Совет по эвакуации при СНК СССР (ГАРФ), Фонд 4372 – Госплан СССР Совета министров СССР (Российский государственный архив экономики). Совсем недавно были рассекречены документы о борьбе с нарушениями законности в ходе эвакуации, хранящиеся в фонде Р-8131 – Прокуратура СССР (ГАРФ) [5]. В целом, следует отметить, что материалы, отражающие проблемы эвакуации, рассеяны по различным архивным фондам [5].

Весь эмпирический материал об эвакуации и эвакуированных, содержащийся в архивах, условно можно разделить на несколько групп документов. Законодательство – это вид исторических источников, объединяющий нормативные документы, санкционированные верховной властью. Это постановления высших партийных и государственных органов, решения съездов, пленумов, конференций, приказы Генерального прокурора. Значительный массив источников представлен делопроизводственной документацией. Их функция – документное обслуживание различных управляющих систем. В структуре делопроизводственной документации выделяются две подгруппы: документы, обеспечивающие принятие и реализацию управленческих решений, и документы, обеспечивающие документооборот. В этой категории особый интерес для нас представляют протоколы заседаний бюро обкома, горкомов, райкомов ВКП(б); решения обл-, гор-, райисполкомов; докладные записки с мест, служебная переписка между выше- и нижестоящими инстанциями, отчеты о работе, материалы по проверке жалоб, служебные инструкции и телеграммы, материалы судебных дел [3].

Отдельную группу необходимо выделить статистические источники. Вопрос о количестве эвакуированного населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны до сего дня является самым дискуссионным в историографии: цифры разнятся от 5,5 до 25 млн. человек [1; 4]. Объясняется это тем, что поиск статистических данных в архивах сопряжен с определенными сложностями. Учет перемещающихся миллионных масс людей в экстремальных военных условиях в принципе представляет большую трудность. Часть эвакуируемых погибали от бомбежек, умирали, заболели, терялись в пути. По указанию ГКО 1 февраля 1942 г. во всех регионах тыла была проведена перепись прибывшего из угрожаемой зоны СССР населения. Эти ценные материалы, составляющие несколько сотен объемистых папок, долгие десятилетия хранились в секретном фонде, да и до сих пор они почти не введены в научный оборот. Эвакуация населения осуществлялась и в 1942 г., регулярный учет эвакуированных в тыловых областях был налажен только к началу 1943 г. Учет велся по следующим направлениям: общее количество эвакуантов; из них мужчин, женщин, детей; трудоспособных, из них трудоустроенных; из них занято в

промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в учреждениях; размещено в городах, в сельской местности. К сожалению, не велась отдельная статистика по эвакуированным специалистам, по национальному составу, по эвакуированным семьям военнослужащих, по рождаемости, заболеваемости, смертности среди эвакуанселения.

Здесь следует сказать о новом виде исторических источников об эвакуации, появившемся в последние годы: базы данных эвакуированных. Разговоры о поименной базе данных об эвакуации велись в сообществе ученых и архивистов давно, но и сегодня таких ресурсов единицы. Так, Объединенный государственный архив Челябинской области в 2020 г. приступил к созданию электронной базы данных эвакуированных в Челябинскую область. Для выявления документов архивисты просмотрели все находящиеся на хранения описи дел периода Великой Отечественной войны. Для ввода с базу данных отобрано предварительно 336 архивных дел, содержащих как непосредственно списки эвакуированных граждан, так и документы, предусматривающие дальнейшую работу по поиску информации (переписка о розыске эвакуированных, акты оценки ущерба, документы по выдаче благотворительной помощи, акты обследования условий проживания эвакуированных и другие). Работа по заполнению базы данных осложнялась тем, что списки заполнялись от руки (далеко не всегда разборчивым почерком) карандашом или чернильной ручкой. Часть документов имеет физические повреждения, затухающий трудночитаемый текст. В связи с тем, что регистрация большого количества прибывающих в эвакуацию граждан велась в спешном порядке, многие записи содержат сокращения, обрывочную информацию, которую зачастую сложно расшифровать. Сегодня в базу занесено 401624 записи [2] (по архивным данным в область прибыли по эвакуации 428 тыс. человек).

Отложившиеся в архивах источники личного происхождения отражают исторический процесс в преломлении сквозь призму убеждений, воспитания и индивидуальных качеств человека, оставившего нам бесценный материал не только для познания исторических событий, но и эмоциональной его составляющей. Для понимания бытовых нужд и психологии эвакуированных интерес представляют жалобы в различные инстанции, письма на фронт и родственникам в освобожденные от фашистской оккупации районы, письма «во власть» с просьбами о реэвакуации. Как правило, заявления и обращения граждан в массе своей не подлежат приему на государственное архивное хранение. Фрагментарная сохранность препятствует исследованию такого рода документов в качестве массового источника: трудно собрать надлежащего размера корпус. Тем не менее, анализируя отдельные документы такого рода, исследователь получает уникальную возможность взглянуть на жизнь страны глазами рядового человека. В последние годы многие воспоминания эвакуированных были изданы [8], также появились цифровые базы воспоминаний людей, в том числе и переживших эвакуацию (например, цифровой архив личных документов из частных собраний Центра Европейского университета в Санкт-Петербурге «Прожито») [7].

Хотелось бы выделить группу архивных документов, имеющих характер социологических исследований для служебного пользования. Такими, на наш взгляд, являются перечни вопросов, заданных трудящимися на лекциях и политинформациях, регулярно собиравшиеся и отправлявшиеся в отделы агитации, и пропаганды обкома ВКП(б); цитаты из личных писем граждан, перечень которых регулярно составляли сотрудники НКВД в ходе перлюстрации писем; судебные дела осужденных (личные дела подследственных). Все эти документы стали доступны исследователям в 1990-е гг. Социологических служб в 1940-е гг. в СССР не существовало, но власти внимательно следили за настроениями людей.

Подводя итоги, важно отметить, что обширный пласт источников, освещающих проблемы эвакуации 1941–1942 гг. незначительно задействован историками, его введение в научный оборот позволит воссоздать объективную картину эвакуационных процессов начального периода Великой Отечественной войны.

1. Корнилов, Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4(49). – С. 112–121.
2. Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны : электронный информационный ресурс. – URL: <https://dbases.archive74.ru/evacuation> (дата обращения 13.03.2025 г.).
3. Потемкина, М. Н. Архивные документы ОГАЧО – ценнейший источник по истории эвакуации периода Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина // Архив в социуме – социум в архиве : материалы региональной научно-практической конференции / сост. и науч. ред. Н.А. Антипин. – Челябинск, 2018. – С. 106–109.
4. Потемкина, М. Н. Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сб. ст. X Уральского демографического форума. В 2-х т. – Т. 2. – Екатеринбург, 2019. – С. 139–143.
5. Потемкина, М. Н. Нарушения законности в ходе эвакуации населения и оборудования промышленных предприятий в 1941–1942 гг. / М. Н. Потемкина // Historia Provinciae : журнал региональной истории. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 307–339.
6. Потемкина, М. Н. Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы / М. Н. Потемкина // Романовские чтения – 12 : сб. ст. Междунар. науч. конф. / Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова. – Могилев, 2017. – С. 47–48.
7. Центр Европейского университета в Санкт-Петербурге «Прожито». – URL: <https://prozhito.org/> (дата обращения 13.03.2025 г.).
8. Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941–1945 / сост. А. Берман, А. Никитина. – Иерусалим, 2009. – 248 с.

Катионов О.Н. **ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СУДЕБ ОДНОЙ СЕМЬИ ПОТОМКОВ БЕЛОРУСОВ** **СИБИРИ – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Ключевые слова: *белорусы-сибиряки участники Великой Отечественной войны, источники личного происхождения (воспоминания), делопроизводственные документы, освобождение Беларуси.*

В статье предлагается на основе личных воспоминаний автора и документов сайта «Память народа» реконструировать судьбы предков – белорусов-сибиряков, участников Великой Отечественной войны: показать участие людей с фамилией Катион, Катионов в Великой Отечественной войне. В основном носители этой фамилии являлись родственниками. Их предки приехали в Сибирь в 1904 г. из Беларуси. Большинство потомков – уроженцы Сибири из бывшей Томской губернии, жили первоначально в 25 км от г. Анжеро-Судженска, в таежной д. Михайловке.

Сам предок рода Катионовых Семен Катион в Сибири не жил. Однажды в разговоре с деканом исторического факультета Белорусского госуниверситета году в 2010/2011 на совещании деканов в Москве я упомянул о своих белорусских корнях по фамилии Катион или Кативон. Декан сказал, что такой фамилии не встречал, однако, через какое-то время зашел в комнату, где я остановился (а жили мы в гостинице в одной секции), и сказал, что позвонил своим коллегам и те ответили, что такая фамилия могла встречаться в ковеновской группе белорусов. Тут и я вспомнил, что старики говорили о предке моем прапрадеде Семене, имевшем прозвище в г. Речице – «беглый з Польши».

Мой прадед и его родные братья, а фамилии у них разные, хотя отец у них был один Семен Катион или Кативон. Как получилось такое? По прибытии в Сибирь, по семейной легенде, писарь, который выписывал приписные документы записал Еремея Семеновича Кативона как Катионов. Так и возникла новая фамилия, образованная в